

ГОМЕЛЬ В ГОДЫ ОККУПАЦИИ

70 лет назад на подступах к Гомелю развернулись тяжёлые оборонительные бои. 19 августа фашистские войска вошли в центральную часть города, 23 августа была оккупирована Новобелица.

Немногие провинциальные городки удостоились чести быть увековеченными пером талантливого писателя на переломном этапе своей истории. Гомель такой чести удостоился: в августе 1941 года в качестве военного корреспондента "Красной звезды" здесь побывал писатель Василий Гроссман — один из наиболее правдивых повествователей о событиях военной поры.

ВМЕСТО СПРАВКИ

Василий Семенович (Иосиф Соломонович) Гроссман родился 29 ноября (12 декабря) 1905 года в Бердичеве. Окончил химический факультет Московского государственного университета, работал по специальности в Донбассе. Заболев туберкулезом, в 1933 году переехал в Москву, занялся писательством.

С первых дней Великой Отечественной войны и до Дня Победы — военный корреспондент "Красной звезды". Вместе с армией отступал из Белоруссии и Украины, принимал участие в Сталинградской битве, в июле 1943 года находился на Курской дуге, стал свидетелем освобождения Украины и операции "Багратион", одним из первых советских репортеров вступил в освобожденную Варшаву, дошел до Одера и Берлина.

Автор рассказа "В городе Бердичеве", повести "Глюкауф", нескольких сборников рассказов и романа "Степан Кольчугин", повести "Народ бессмертен", книг "Годы войны" и "Треблинский ад", дилогии о Сталинградской битве, состоящей из романа "За правое дело" и повести в советские времена в список запрещенных романа "Жизнь и судьба", такой же запрещенной повести "Всё течёт" об истории одного из узников ГУЛАГа, других произведений.

ПЕРВАЯ КОМАНДИРОВКА

Как писал Василий Гроссман в своих записных книжках, 5 августа 1941 года в качестве военного корреспондента "Красной звезды" он вместе с фотокором Кноррингом и политруком Трояновским выехал на Центральный фронт в Гомель. Доехали поездом до Брянска, там переночевали на вокзале, до Унечи добирались на санитарной ленточке, оттуда товарняком — до Новозыбкова, где сразу же попали под бомбёжку. Ночью вскочили на подножку идущего в Гомель санитарного поезда и с трудом, преодолевая агрессивное сопротивление женщины-врача, пробрались в тамбур.

"Гомель встречает воздушной тревогой", — отмечал в записных книжках Гроссман. — Местные люди доверяют, что тревогу принято здесь объявлять, когда нет немецких самолётов, а отбой дают, наоборот, в то время, когда начинается бомбёжка.

...Штаб Центрального фронта находится во дворце Паскевича, парк, прекрасный пруд, в нём лебеди, на аллеях, под огромными липами стоят бюсты великих людей. Всюду, в большом числе, нарыты щели. Нас принял начальник полуправления фронта бригадный комиссар Козлов... Он сказал нам, что Военный совет теперь обеспокоен известиями,

полученным вчера: немцы заняли Рославль и сконцентрировали там очень большие массы танков. Командует ими Гудериан, автор книги "Внимание, танки!" Козлов разрешил нам ездить по частям фронта, о чём сделал соответствующую надпись на командировочном предписании. Знакомились с работниками полуправления. Просматривали комплект фронтовой газеты. В передовой статье вычитал такую фразу: "Сильно потрепанный враг продолжал трусливо наступать". Устроились на ночлег в редак-

те на У-2. Когда лётчики узнали, что это будет первый полёт писателя, все развеселились, стали смотреть на него как на младенца. Но сам полёт, отмечал позже Гроссман "меня восхитил совершенно, когда самолёт вдруг, как стрекоза, легко стал перелетать над лесом, по верхушкам деревьев, заскользил над речкой, над лужками..."

НОЧНАЯ БОМБЁЖКА

В следующую ночь Гроссману пришлось пережить самую разрушительную для Гомеля бомбёжку.

ленных цветами.

...Чувство времени, протяжённости и последовательности событий словно оставило Богарева. Он вместе со всеми тушил начинавшиеся пожары, засыпал песком зажигательные бомбы, выносил из огня чьи-то вещи, помогал санитарам, приехавшим с автомобилем скорой помощи, укладывать на носилки раненых, ходил вместе со своими бойцами к загоревшемуся родильному дому, выносил книги из горевшей городской библиотеки. Отдельные картины навечно запомнились ему.

1.

В августе 41-го



Гомель в их судьбе

Писатель

Василий Гроссман

ции фронтовой газеты... Спим на полу, не снимая сапог, подложив под головы противогазы и полевые сумки. Спим мы в клубе "Коминтерн", в помещении библиотеки.

...Пришли знакомиться с редактором — полковым комиссаром Н. Носовым. Заставил себя ждать добрых два часа...

...Обедаем в штабной столовой. Она помещается в парке, в весёлом, лёгком павильоне. И кормят нас хорошо, как кормили в домах отдыха до войны: сметана, творожок, даже мороженое на третье.

Командир спросил заросшего бородой красноармейца: "Почему не брит?" Тот ответил: "Бритвы нет". "Хорошо, — сказал командир, — пойдёшь в разведку в тыл противника под видом мужика". Красноармеец: "Побреюсь сегодня, обязательно, товарищ командир".

Еду с Кноррингом на Зябровский аэродром под Гомелем, 18 километров от Гомеля. Комиссар ВВС Чиркун,

Вот как он описывал её в повести "Народ бессмертен".

"Налёт немецкой авиации начался около двенадцати часов ночи. Первые самолёты-разведчики, шедшие на большой высоте, сбросили осветительные ракеты и несколько касет зажигательных бомб. Звёзды стали исчезать и меркнуть, когда белые шары ракет, подвешенные к парашютам, разгораясь, повисли в воздухе. Мёртвый свет спокойной, подробно и внимательно освещал площади города, улицы и переулки.

...Сорок двухмоторных бомбардировщиков ещё днём были подготовлены к вылету.

...С новым звуком шли самолёты. Их встретил колючий огонь зениток, лучи прожекторов ловили их, и вскоре один из самолётов загорелся; словно испорченная картонная игрушка, кувыряясь, пошёл он к земле, то заворачиваясь в тряпицу чёрного пламени, то выпадая из неё. Но лётчики

Человек выбежал из дома с криком: "Пожар, пожар!" Этот человек, вдруг увидевший вокруг себя один лишь сплошной огромный огонь, сразу успокоился, сел на тротуар и сидел неподвижно; запомнилось ему, как в чаду и гари вдруг распространился нежный запах духов, — это загорелся парфюмерный магазин. Запомнилась ему сошедшая с ума молодая женщина. Она стояла посреди пустынной площади, освещённая пожаром, и держала на руках труп девочки. Раненая лошадь лежала на углу улицы. Богарева увидел в её стекленевших, но всё ещё живших глазах отражение пылавшего города..."

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДА

В записных книжках Василия Гроссмана — рассказы о боевых эпизодах из жизни зябровских лётчиков, о беженцах и окруженцах, о героизме бойцов:

О некоем Конешкине, который был исключён из комсомола за утерю комсомольского билета, а через два дня в бою треметями снарядов уничтожил до батальона немцев.

О лейтенанте Яковлеве, на батальон которого пошли совершенно пьяные, с красными глазами, немцы. Тяжело раненного Яковлева хотели на плащ-палатке вынести из боя, но он закричал: "У меня есть голос, чтобы командовать, я с поля боя уходить не могу".

О командире орудия Гергеле. Когда был выведен из строя весь расчёт, он сам заряжал, наводил, вёл огонь, уничтожил несколько бронемашин, большое количество пехоты и несколько мотоциклов.

О многих, многих других. Василий Гроссман встречался в те дни с командующим Центральным фронтом генерал-лейтенантом Ефремовым, с первым секретарём ЦК КП(б)Б Пономаренко, после захвата Гомеля противником стал свидетелем ураганного артиллерийского обстрела Новобелицы и самого Гомеля, видел, как проходило заседание ЦК Белорусской компартии в лесу, на последнем клочке белорусской земли, перед уходом с неё.

Многие события той поры эпизодами вошли в повесть "Народ бессмертен". Это произведение, бесспорно, ярчайшее свидетельство, пусть и с элементами художественного вымысла, того, что происходило в самом Гомеле и на подступах к нему жарким августом 1941 года.

Николай ДЕМЧИХИН.

На перекрёстках истории: знать и любить свой город



большой, медлительный, дал нам свой ЗИС. Ругает немцев: "Гоняются за машинами, отдельными грузовиками, легковушками, хулиганство, безобразия".

...Аэродромные постройки разбиты бомбёжкой, поле изрыто бомбами. Самолёты ИЛы и МИГи замаскированы сетками. По аэродрому ездят автомобили, развозят запчасти для самолётов, "безе" (боезапас — авт.) и грузовик с термосами, девушки в беленьких халатиках заправляют обедом лётчиков. Лётчики едят капризно, девушки их уговаривают. Часть самолётов спрятана в лес".

Поговорив с командиром полка подполковником Немцевичем и комиссаром Голубом, пообщавшись с лётчиками и собрав материал для газеты, на следующий день Гроссман снова отправился в Гомель. Машины уже не было, поэтому Немцевич предложил пе-

уже увидели спящий город, освещённый ракетами.

Один за другим прокатились над городом взрывы, земля дрогнула от них, со звоном полетели стекла, посыпалась штукатурка в домах, сами собой стали открываться окна и двери. Полудетские женщины, держа на руках детей, бежали к щелям.

...Город горел. Курчавый, весь в искрах, красный дым поднимался высоко вверх, тёмно-кирпичное зарево колыhalось над базаром. Тысячи огней, белых, оранжевых, нежно-жёлтых, клюквенно-красных, голубоватых, огромной мохнатой шапкой поднимались над городом, листва деревьев съживалась и блекла. Голуби, грачи, вороны носились в горячем воздухе, — горели и их дома. Железные крыши, нагретые страшным жаром, светились, кровельное железо от жара громыhalо и гулко постреливало, дым вырывался из окон, застав-